

И.Е. СУРИКОВ

ПОЛИС, ЛОГОС, КОСМОС: МИР ГЛАЗАМИ ЭЛЛИНА

КАТЕГОРИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

Игорь Евгеньевич Суриков

Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24133716

Игорь Евгеньевич Суриков. Полис, логос, космос: мир глазами эллина.

Категории древнегреческой культуры: Русский Фонд Содействия

Образованию и Науке; Москва; 2012

ISBN 978-5-91244-095-3

Аннотация

Вклад древних греков в мировую и особенно европейскую историю колоссален. Античная греческая цивилизация – в полном смысле слова фундамент всей последующей жизни Европы. Без преувеличения можно сказать, что ни один другой народ не обогатил культурную сокровищницу человечества таким количеством шедевров и плодотворных идей. Успехи эллинов во всех областях культурного творчества были феноменальными, неповторимыми. Книга о древнегреческой культуре, о народе, создавшем эту культуру, об особенностях его мировосприятия, сознания, системы ценностей, о его «картине мира» – это книга о важном, основополагающем, фактически о наших корнях. В книге, которую открыл читатель, рассказывается именно о

мировоззрении, мышлении, поведении античных греков – о тех основах, на которых выросла их великая культура.

Содержание

От автора	6
Пролог: иные, но понятные?	9
Часть I. Феномен полиса	19
«Греческое чудо» и полис	19
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Игорь Суриков

**Полис, логос, космос: мир
глазами эллина. Категории
древнегреческой культуры**

*Печатается по решению Ученого совета Университета
Дмитрия Пожарского*

*Утверждено к печати Ученым советом Института все-
общей истории Российской Академии наук*

© Суриков И. Е., 2012

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012

© Яворский И. Р., макет и верстка, 2012

От автора

Эта книга была в основном написана к концу 2007 г. В дальнейшем, еще на протяжении года или двух, в текст вносились некоторые дополнения. А потом рукопись «зависла», ее выход по не зависящим от автора причинам (не будем вдаваться в подробности, дабы никого не обидеть) отложился на довольно долгое время. И только теперь появилась возможность издать книгу, за что мы глубоко благодарны Русскому Фонду Содействия Образованию и Науке, лично А. А. Гореву и М. В. Поваляеву.

Ряд принципиальных положений, высказываемых в книге, апробировался (так сказать, «проходил обкатку») в наших лекциях и докладах перед самыми различными аудиториями. Последние далеко не всегда состояли из специалистов-антиковедов; нам казалось важным изложить свои взгляды в кругу максимально разных людей – от московских школьников до представителей русских диаспор за пределами нашей страны. Каждый раз мы бывали приятно удивлены тому неподдельному, искреннему интересу, который вызывали у слушателей проблемы, связанные с менталитетом античных греков. Всегда в ходе таких встреч чувствовалось, что «все мы – из Эллады»... Благодарим П. А. Евдокимова, Х. Р. Туманса, Д. Э. Харитоновича, Э. В. Рунга за любезно организованные ими возможности для таких апробаций.

Просто не можем умолчать о человеке, перед которым наш долг особенно велик. Это М. Н. Боярский, редактор издательства «Аванта» (в котором первоначально планировалась публикация этой книги). Собственно говоря, если бы не он, книги просто не было бы. Именно по его инициативе она была написана; затем Михаил Наумович принимал самое активное участие в работе над рукописью, как в концептуальном, так и в структурном плане (например, часть I появилась всецело по его совету, в первоначальном варианте рукописи она отсутствовала). Вклад М. Н. Боярского неизмеримо больше, чем обычно бывает вклад редактора в работу автора над текстом. По сути дела, его роль – если не роль соавтора, то уж, во всяком случае роль сотрудника (не в современном, а в исконном смысле слова: «сотрудник» как сотоварищ по труду).

И последнее. Читатель легко заметит, что книга написана популярно. Не в смысле «упрощенно» (как раз на «приём упрощения» мы никогда не шли, будучи убеждены, что самые сложные материи можно, если постараться, изложить в доступной форме), а в смысле «живо и понятно». Здесь мы ориентируемся на давнюю традицию в мировом антиковедении, согласно которой книги всегда пишутся более популярно, чем статьи (поскольку круг их потенциальных читателей резонно предполагается более широким). Эта традиция устойчиво поддерживается в англосаксонской науке, отчасти и во французской (в немецкой – иначе, но и в ней

в последние годы проявляются тенденции того же рода). Соответственно, и справочный аппарат сознательно сведен нами к минимуму (в основном это ссылки на источники) и – дабы не мешал восприятию самого текста – вынесен в примечания, находящиеся в конце работы.

И. Е. Суриков

Январь 2012 г.

Пролог: иные, но понятные?

Точки над і обычно расставляют в конце. Однако бывает и так, что это уместно сделать с самого начала. Сейчас именно такой случай: хотелось бы сразу вкратце пояснить, о чем и – главное – о ком далее пойдет речь.

Книга посвящена античным грекам – эллинам; те события и процессы, о которых в ней будет говориться, развертывались в основном на территории населенной ими страны – Греции, или Эллады. В основном, но не только: эллины – народ путешественников, мореплавателей, купцов – уже очень рано в своей истории вышли за пределы своей исконной родины и начали расселяться по обширным пространствам на побережьях Средиземного и Черного морей.

В предыдущем абзаце впервые появилось слово «античный», и оно, конечно, тоже требует разъяснения. В переводе с латинского это обозначает просто «древний». Однако на самом деле два прилагательных – не синонимы.

Античными называют не все древние цивилизации, а только две из них. А именно – древние цивилизации Европы: древнегреческую и возникшую несколько позднее римскую. Иногда их даже рассматривают как единую античную греко-римскую цивилизацию. А ко всей этой эпохе европейской истории прилагают название «античность».

Античность принято отделять от цивилизаций древне-

восточных, существовавших на обширных пространствах Азии и отчасти Африки – от Египта до Китая. В этом разделении древней истории на восточную и античную есть глубокий внутренний смысл: оно не сводится к формальному, чисто географическому противопоставлению частей света. Античное общество, государственность, культура развивались уж очень своеобразным путем, совершенно непохожим на всё то, что было раньше. Можно сказать, что тогда впервые возникла цивилизация «западного» типа.

Однако подробно рассказываться в книге будет не обо всей многовековой протяженности древнегреческой истории, а в основном о ее так называемой полисной эпохе, самой важной и самой блистательной (на том, что такое полис, каковы особенности этой уникальной формы общности людей, мы специально остановимся чуть ниже). Ее хронологические рамки можно определить как XI–IV вв. до н. э. А внутри этих рамок можно обнаружить довольно четкое разделение на несколько различных по своему значению периодов. Приведем эту периодизацию с краткими характеристиками.

1. Гомеровский период, или «Темные века» (XI–IX вв. до н. э.): крушение ахейской цивилизации II тысячелетия до н. э., тоже созданной греками, но еще не имевшей античного в строгом смысле слова характера. Время политического, социального, культурного упадка, когда полис находился еще на стадии зарождения.

2. Архаический период (VIII–VI вв. до н. э.): резкий подъ-

ем во всех областях жизни. Складывание государственности в форме полиса, рождение полисной цивилизации и культуры. Великая греческая колонизация, то есть то самое расселение греков по берегам Средиземного и Черного морей, о котором упоминалось выше.

3. Классический период (V–IV вв. до н. э.): высший расцвет древнегреческого общества, полисного строя, период величайших достижений в области культуры. Победа греков над колоссальной Персидской державой. В конце периода – серьезный кризис классических полисных структур.

Походы Александра Македонского (334–323 гг. до н. э.) представляли собой переход к эллинистической цивилизации, когда античный мир приобрел во многом новый облик. Эта цивилизация также была создана греками, но уже не являлась чисто полисной. Некоторые сюжеты как из ахейского, так и из эллинистического времени мы будем затрагивать по ходу изложения – когда в этом возникнет необходимость для лучшего понимания основной тематики. Но в целом эти эпохи все-таки останутся несколько на периферии нашей книги. Они заслуживают специального рассмотрения, а мы сосредоточимся на эпохе полисной. Она того достойна, не только по своей большой протяженности – более полутысячелетия! – но главным образом из-за того, что самый замечательный вклад в мировую историю и культуру был сделан эллинами именно в эти века.

Почему перечисленные периоды носят такие названия?

Гомеровский период – от имени Гомера, из поэм которого «Илиада» и «Одиссея» ученые черпают основные сведения о жизни людей этого времени. Термин «архаический» происходит от греческого слова *архайос* («древний, изначальный»): когда этот термин утвердился в науке (а было это довольно давно, в XIX веке), архаическую эпоху считали древнейшей, а ныне, хотя уже известно, что это не так, название решили не менять, поскольку оно прочно укоренилось. Наконец, «классический» – от латинского слова *классикус* («образцовый»).

* * *

Вклад древних греков в развитие мировой и особенно европейской цивилизации колоссален. И по сей день практически во всех областях жизни мы, зачастую даже не подозревая об этом, пользуемся богатейшим наследием этого маленького, по современным меркам, народа. Античная греческая цивилизация – в полном смысле слова фундамент всей последующей европейской цивилизационной истории.

Без преувеличения можно сказать, что ни один другой народ не обогатил культурную сокровищницу человечества таким количеством шедевров и плодотворных идей. Успехи эллинов во всех областях культурного творчества были феноменальными, неповторимыми. Достаточно привести лишь несколько примеров.

В сфере религии греки оставили миру непревзойденную по яркости, разработанности и глубине систему мифологии. В Древней Греции родилось само понятие философии, заложены основы главных философских направлений, существующих и по сей день, поставлены глубокие вопросы о сущности бытия, которые с тех пор волнуют мыслителей всех времен и народов. Наука, как отдельная сфера культуры, также возникла в Элладе; во многих научных дисциплинах достижения древнегреческих ученых оставались последним словом вплоть до XVII–XVIII вв. Греки первыми среди народов мира перешли на стадию полноценной алфавитной письменности, и практически у всех ныне существующих алфавитов один общий «предок» – алфавит древнегреческий. Эллины были основоположниками европейского театра, изобрели ораторское искусство, создали большинство ныне существующих жанров литературы, сделали открытия мирового значения в сфере литературы и скульптуры... И во всех этих областях им принадлежат произведения высочайшего уровня, ни в коей мере не утратившие своей значимости и поныне. Имена Гомера и Сократа, Демосфена и Аристотеля, Геродота и Фидия известны каждому.

Вновь и вновь мы обращаемся к великому наследию античной Греции, без знания которого попросту нельзя считаться образованным человеком. Вообразим на минуту, что греков не было; трудно даже представить, насколько иной была бы тогда вся наша жизнь. Во всяком случае, совершен-

но ясно, что западная цивилизация в своем нынешнем облике просто не сложилась бы.

Из всего вышесказанного вытекает, что книга о древнегреческой культуре, о народе, создавшем эту культуру, об особенностях его мировосприятия, сознания, системы ценностей, о его «картине мира» – это книга о важном, основополагающем, фактически о наших корнях. Это – одна «сторона медали».

Другая же заключается в том, что необходимо учитывать в том числе и *специфику* мировоззрения античных греков: не только то, чем эллин был *похож* на нас, но и – в особенности! – то, чем он *отличался* от нас. Этому последнему аспекту часто вообще не придается значения. Ученые-историки привыкли в первую очередь обращать внимание на черты, которые роднят между собой самые далекие друг от друга общества. Считается, что это позволяет подойти к постижению общих, единых законов исторического развития. Вероятно, так оно и есть. Однако любая односторонность вредна. Стоит порой задумываться и о том, что было неодинакового, своеобразного у людей разных эпох.

Выдающийся французский исследователь античности Жан-Пьер Вернан высказал в предисловии к одному из сборников своих статей очень плодотворную мысль: эллины от нас одновременно далеки и близки. С одной стороны, достаточно далеки, чтобы мы могли изучать их «извне». С другой стороны, достаточно близки, чтобы мы могли, несмотря на

прошедшие века и тысячелетия, вступить с ними в живое общение, понимать их – и при этом быть уверенными, что понимаем их адекватно¹.

Чтобы было понятно, о чем идет речь, приведем такой пример. Никто не усомнится, что человек Древнего Востока – будь то житель страны фараонов или китаец времен первых императоров – не такой, как мы, в сущности, даже чуждый нам. Кстати, не с этим ли связана большая популярность сюжетов, связанных с этими цивилизациями, в современной массовой культуре – беллетристике, кино? Напишите или снимите что-нибудь об оживших и разгуливающих мумиях, о «тайнах пирамид» или, к примеру, о глиняных солдатах Цинь Шихуанди – и успех обеспечен.

Пресловутый «эффект чуждости» порождает налет экзотики, вызывает естественный интерес. Мы сталкиваемся с *иным*. Настолько иным, что ученый, занимаясь изучением подобных обществ, живших в них людей, читая созданные в них тексты, никогда не может быть на сто процентов уверен в том, что он правильно понимает смысл этих текстов, духовный мир этих людей. Всегда остается сомнение: может быть, они говорили совсем не о том, что мы пытаемся вложить в их уста, исходя из наших сегодняшних представлений? По сути дела, общение идет как бы на разных языках (имеется в виду язык не в лингвистическом, а в цивилизационном понимании), и кто может быть абсолютно достоверным пере-

¹ Vernant J.-P. Myth and Thought among the Greeks. L., 1983. P. X.

водчиком?

С греками же всё одновременно и проще, и сложнее. С ними мы говорим, на одном «цивилизационном языке». А если и на разных – то, во всяком случае, на очень родственных. В своей философской, этической, общественно-политической, научной мысли они поднимали все те же самые вопросы, которые волнуют и нас теперь. Мы, повторим и подчеркнем, их понимаем! И отсюда рождается иллюзия, что они вообще от нас не отличались. Однако же это именно иллюзия.

Античная цивилизация ныне тоже не обделена интересом. О ней пишутся романы, снимаются фильмы, и они очень популярны. Но их герои – будь то Александр Македонский, или Клеопатра, или «триста спартанцев» – выглядят буквально нашими современниками, разве что носящими другую одежду. У них те же структуры мышления, те же модели поведения, те же реакции на различные жизненные ситуации.

Иными словами, здесь перед нами случай противоположный, чем с египтянами или китайцами. Налицо другая крайность: древних греков изображают такими же людьми, как мы. А на самом деле это не так. Нужно отдавать себе отчет в том, что можно быть понятным, но при этом непохожим. С греками именно так: они были во многом иными, и, главное для нас – увидеть, *в чем именно* они были иными. Мы не сможем полноценно узнать человека прошлого, прежде чем

не научимся хотя бы немного понимать его язык – тот самый «цивилизационный язык», о котором только что шла речь. А иначе получается так: изучая этого человека, мы как бы задаем ему вопросы – но при этом не хотим пристально вслушаться в его настоящие ответы, а вместо этого сами придумываем ответы за него и ему их навязываем.

В книге, которую открыл читатель, мы и хотим рассказать именно об особенностях мировоззрения, мышления, поведения, жизнеотношения античных греков – о тех основах, на которых выросла вся их великая культура.

* * *

Подзаголовок книги – «Категории древнегреческой культуры» – сознательно отсылает к замечательному труду крупнейшего отечественного историка-медиевиста Арона Яковлевича Гуревича «Категории средневековой культуры»². В этой книге предлагалось по отношению к человеку средневековья именно то, что автор этих строк попытается сделать по отношению к древнему эллину: оттенялось *своеобразие* его мироощущения, мышления, поведения. Новый подход оказался чрезвычайно плодотворным. Под влиянием А. Я. Гуревича в нашей стране сложилась целая школа ученых, изучающих Средние века с таких позиций, а сам он прочно во-

² Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2 изд. М., 1984.

шел, как сейчас модно выражаться, в число «знаковых фигур» российских гуманитарных наук.

История античности – дисциплина более консервативная и традиционная, так уж сложилось за века ее существования. Новые, нестандартные подходы гораздо труднее в ней прививаются, а зачастую даже встречают противодействие со стороны авторитетных коллег. Однако двигаться вперед все-таки надо, иначе мы рискуем погрузиться в застой.

Мы не скрываем, что труд Гуревича в известной мере послужил для нас образцом. Правда, образцом в самом общем смысле: никаких заимствований оттуда мы себе не позволяли, структуру изложения приняли совершенно другую, да и темы, рассмотренные нами, далеко не всегда те же, что привлекли внимание Арона Яковлевича. Тем более неуместно говорить о каком-то «соперничестве» с мэтром. Нет, наша задача достаточно скромна: попытаться описать некоторые стороны мысли и жизни эллина такими, какими они были, не уходя при этом от острых вопросов и спорных проблем, и тем самым – заложить, если получится, хотя бы несколько «кирпичиков» в более полнокровное и многогранное постижение нашего «обобщенного героя». Насколько попытка окажется удачной – судить читателю.

Часть I. Феномен полиса

«Греческое чудо» и полис

Чуть выше уже говорилось о поразительной творческой одаренности древнегреческого этноса. Именно она часто заставляет ученых говорить о настоящем «греческом чуде». Это словосочетание (насколько известно, первым его ввел в обиход знаменитый французский писатель и мыслитель XIX века Эрнест Ренан) нередко употребляют даже вполне серьезные историки, и, наверное, все-таки не зря. Действительно, с трудом поддается рациональному объяснению, каким образом на довольно-таки раннем этапе истории человеческого общества был достигнут такой колоссальный взлет духа. И насколько не похожи были античные эллины на своих соседей и современников – народы Древнего Востока! Они породили какой-то совсем иной тип менталитета, мироощущения, духовной жизни.

Впрочем, к категории «греческого чуда» однозначного отношения в науке нет. Часто его реальность просто отрицают. Приведем слова швейцарского ученого Андре Боннара, автора в свое время переведенной на русский язык и нашумевшей у нас, неоднократно переиздававшейся книги «Греческая цивилизация»: «Греческий народ был совершенно та-

ким же народом, *как и всякий другой*... Его цивилизация распускалась и взращивалась на том же черноземе суеверий и мерзостей, на котором выросли все народы мира, – в этом нет никакого чуда...»³. По мнению Боннара, греческая цивилизация – просто закономерный итог длительного предшествующего развития человечества.

Этой точке зрения решительно возражал выдающийся российский историк античности Юрий Викторович Андреев. Он считал, что огромные успехи древних греков в деле цивилизационного строительства были во многом обусловлены таким субъективным фактором, как одаренность греческого этноса, не имеющая себе равных. Он пишет: «Главная причина этих успехов, заключалась, конечно же, в самих греках, в особой изощренности и мощи их интеллекта, в необыкновенной утонченности их душевного, эмоционального склада, в их необычайно высокой для древнего человека жизненной активности, в их обостренном интересе ко всему окружающему миру и т. д., и т. п. Иначе говоря, “греческое чудо” было создано гением греческого народа. Но гений – это всегда неожиданность, всегда отклонение от нормы, всегда счастливый случай. Его невозможно вывести прямо и непосредственно из длинного ряда предшествующих ему предков. Именно поэтому греческая цивилизация не может считаться простым итогом предшествующей ей многовековой истории всего Древнего мира, как хотелось бы думать А.

³ Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1994. С. 27.

Боннару и всем, кто разделяет его взгляды»⁴.

Но такой вариант ответа на вопрос – греки создали великую культуру потому, что они были гениальны – тоже трудно признать вполне удовлетворительным. Мы попадаем в какой-то порочный круг. Конечно, там, где заходит речь о «чуде», науке, казалось бы, остается только замолчать. Ведь чудо – это всегда нечто в конечном счете непостижимое: как бы не объяснять его средствами человеческого разума, все равно останется какой-то необъяснимый «осадок».

Есть, конечно, и промежуточные точки зрения между отрицанием «греческого чуда» и объяснением его сугубо иррациональными, не поддающимися какой-либо проверке причинами. Имеются они и в нашей российской науке. Только что упомянутый Ю. В. Андреев был представителем блестящей санкт-петербургской (ранее ленинградской) школы антиковедения второй половины XX века. Так сложилось, что именно во «второй столице на Неве» специалисты особенно внимательно относились к проблемам становления греческой цивилизации – и добивались больших успехов. Помнится, в свое время у нас, тогда еще молодых ученых, всегда были на устах имена «трех китов» этой школы: Андреев, Зайцев, Фролов. Увы, на момент, когда пишутся эти строки, жив из них только Эдуард Давыдович Фролов, уже многие годы занимающий пост заведующего кафедрой исто-

⁴ Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 18.

рии Древней Греции и Рима Санкт-Петербургского государственного университета.

Э. Д. Фролов, конечно, тоже не мог не отдать дань проблеме «греческого чуда». Он назвал цивилизацию античных эллинов «цивилизацией досуга» и именно этим объяснял ее достижения и свершения. Он писал: «В античном мире отличительным качеством свободного человека считалось в принципе обладание досугом... Сложившаяся в античном обществе ситуация создавала исключительно благоприятные условия для творческого труда свободных людей, для развития своеобразной духовной культуры...»⁵.

Но откуда пресловутый досуг? Всё объясняется просто: за свободных граждан скучным, повседневным трудом занимались рабы, и те поэтому были вполне свободны для реализации своих творческих потенций. «Основанное в значительной степени на рабском труде производство не интересовало интеллектуальную элиту античного общества»⁶. На этом круге вопросов – была ли древнегреческая цивилизация основана на рабском труде, действительно ли рабовладение, и только оно, порождало досуг свободных, да и являлись ли эти свободные столь уж «досужими бездельниками» – мы еще остановимся по ходу дальнейшего изложения. Пока отметим только, что все-таки перед нами предстает несколько-

⁵ Фролов Э. Д. Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 9.

⁶ Там же.

ко односторонняя картина. Возможно, столь же односторонняя, как у Андреева, но только ориентированная в иную (не духовную, а чисто экономическую) сторону.

Впрочем, Э. Д. Фролов всегда стремился и стремится максимально взвешенно подходить к оценке прошлого. Он подчеркивает еще и другое: «решающую, на наш взгляд, особенность цивилизации древних греков и римлян – ее сугубый рационализм, повышенную роль сознательного творческого начала»⁷.

А третий из только что упомянутых крупнейших санкт-петербургских антиковедов этого поколения, Александр Иосифович Зайцев, написал специальную книгу «Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э.», в которой как раз и попытался раскрыть предпосылки «греческого чуда». Он сделал упор на два основных момента. Во-первых, на быстро шедший в Элладе интересующей нас эпохи «процесс разрушения традиционных норм жизни»⁸. В результате греки жили в обстановке очень большой мобильности, как чисто географической (в том смысле, что многие из них, особенно деятели культуры, отправлялись в долгие и далекие путешествия, постоянно переезжали из города в город и тем самым расширяли свой кругозор), так и социальной. Последнее означает, что мыслящему, одаренному, инициативному

⁷ Там же. С. 7.

⁸ Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. 2 изд. СПб., 2000. С. 245.

человеку, даже если он происходил из низких слоев общества (речь, конечно, не идет о слое самом низком, о рабах), в подобной системе было возможно добиться успеха, существенно повысить свой престиж, улучшить материальное и общественное положение. Жизнь каждого была, если можно выразиться, не «запрограммирована», человек становился сам «кузнецом своего счастья», пользуясь невиданной до того в мире свободой.

Второй момент, на котором подробно останавливается А. И. Зайцев – это присущий античным грекам дух состязательности – «агональный дух», как его принято называть ныне в науке. Эта особенность эллинского характера, действительно, прямо-таки бросается в глаза и была поэтому тоже замечена уже довольно давно (первым ее подчеркнул в XIX веке крупный швейцарский ученый Якоб Буркхардт, друг Ницше и автор фундаментального труда «История греческой культуры»). Что бы греки ни делали – они соревновались друг с другом. Причем очень часто – совершенно бескорыстно, просто ради горделивого ощущения победы. Об «агональном духе» еще неоднократно будет говориться далее на страницах нашей книги.

А. И. Зайцев отмечает также значение распространение железа и техники его обработки как одного из факторов «греческого чуда»⁹. Это, однако, вызывает серьезные вопросы. «Железный век» в значительной части Европы и Азии

⁹ Там же. С. 59–60, 244.

наступил примерно одновременно – в начале I тысячелетия до н. э., но такого же духовного эффекта, как в Греции, он почему-то больше нигде не вызвал. Не лишено поэтому оснований ироническое возражение историка античной философии Феохария Харлампиевича Кессиди (который, кстати, сам из российских этнических греков): «Бесспорно, выплавка железа и выращивание картофеля играли и играют большую роль в экономической жизни народов мира, тем не менее “взрыв интеллектуальной энергии” в Греции VI–V вв. до н. э. невозможно объяснить “диффузией железа”, как и возникновение, например, марксизма потреблением картофеля»¹⁰.

Однако что же предлагает взамен сам Ф. Х. Кессиди? Он... апеллирует к греческому «национальному характеру»¹¹. И в этом его концепция близка к уже знакомым нам взглядам Ю. В. Андреева: мы опять пошли по кругу. Да и что же такое – этот самый «национальный характер»? Это некая константа, постоянная и неизменная величина, общая для всех представителей этноса? Но такого не бывает. И потом, если греки – обладатели такого замечательного, уникального характера, почему же он проявился «во всей своей красе» лишь на какие-нибудь несколько веков? Ведь греки – народ, известный из источников на протяжении, как минимум, четырех тысячелетий, существуют они и по сей день. Почему

¹⁰ Кессиди Ф. Х. К истокам греческой мысли. СПб., 2001. С. 11.

¹¹ Там же. С. 12.

среди них не появляется новых Сократов, Фидиев, Демосфенов?

Итак, перед нами прошла чередa «объяснений» греческого чуда. Большинство их не столько противоречат друг другу, сколько друг друга дополняют. Почти в каждой из перечисленных точек зрения есть доля истины, но именно только доля. Действительно, всё это было: и высокая мобильность, и рационализм, и дух состязательности. Но чем всё это обуславливалось *в свою очередь*? Иными словами, не задуматься ли о первопричине?

В любом случае следует помнить вот о какой очень важной вещи. Для того, чтобы были созданы культурные шедевры, недостаточно одной только субъективной гениальности (личности или целого этноса). Необходимо еще, чтобы сложились объективные условия для полномасштабной реализации этой гениальности, для того, чтобы она нашла себе применение в жизни.

И вот в античном греческом мире такие условия, – наверное, впервые в человеческой истории – в полной мере сложились. А сложились они потому, что возник такой уникальный социальный, политический и культурный феномен, как полис. Когда мы говорим, что древнегреческая цивилизация есть полисная цивилизация, это – не пустые слова. Их так и следует понимать, в самом прямом смысле слова: греческая античность – это полис, полисные структуры, полисная система ценностей, полисный жизненный уклад. Этим объяс-

няется вся судьба античной Эллады: и ее взлеты, и ее падения.

Только в полисных рамках было возможно то беспрецедентное по меркам древнего мира раскрепощение творческой человеческой личности, которое имело место в городах Греции и выразилось в одновременном появлении десятков выдающихся деятелей культуры. И в то же время только в полисных рамках было возможно сознательное (именно сознательное, а не навязанное «сверху») сплочение этих ярких индивидов во имя общей цели, что придало античной цивилизации – при всех ее разнообразных формах – неповторимое единство и целостность. О том, как это происходило, далее и пойдет речь.

* * *

И прежде всего давно уже назрело время поговорить о том, что же, собственно, это такое – *полис*, который столь часто упоминался на предшествующих страницах, хотя книга только-только началась. Он уже поэтому явно претендует на то, чтобы стать едва ли не главным героем нашего повествования, и претендует с полным основанием.

Одной из определяющих черт эллинской цивилизации на протяжении всей античной эпохи была и оставалась крайняя политическая раздробленность. Никогда в своей истории Древняя Греция не обладала единой государственно-

стью. Она делилась на множество – несколько сотен – отдельных политических и социокультурных единиц – в полном смысле слова мини-государств. Каждое из них и носило название «полис». Полисы могли быть разного значения и размера – от относительно крупных до крохотных, – но каждый из них, даже самый маленький, представлял собой, повторим и подчеркнем, полноценное государство. И обладал всеми необходимыми признаками такового: политическим суверенитетом и независимостью, системой государственной власти, армией, сводом письменно зафиксированных правовых норм – законов, стабильной территорией.

Правда, пожалуй, нельзя категорично сказать, что Эллада состояла *только* из полисов. Полисы имели наибольшее распространение в Южной Греции (полуостров Пелопоннес), на островах Эгейского моря, в заморской Ионии (западное побережье Малой Азии). А на периферии полисного мира, в более отсталых областях Северной и отчасти Средней Греции, где полис не получил полного развития, преобладал иной тип государственного образования (т. н. этнос), более рыхлый и сохранявший значительные пережитки древнего племенного устройства. Но не он определял собой главный вектор развития древнегреческой цивилизации; таким вектором был именно полис. Полисную форму имели все наиболее передовые эллинские государства, внесшие наибольший вклад в развитие общества и культуры, – будь то Афины или Спарта, Коринф или Милет, Фивы или Сиракузы...

Древнегреческий язык принадлежал к индоевропейской языковой семье. Поэтому многие слова из его лексического запаса имеют «родственников» в других языках той же семьи, особенно в языках наиболее архаичных, например, в санскрите, на котором говорили в Древней Индии. Именно так обстоит дело и с термином «полис». Ученые-лингвисты ответственно утверждают: здесь перед нами тот же (только видоизмененный) корень, что и в санскритском слове «пур» (крепость).

Но только в древнейшую, доисторическую эпоху слово «полис» у греков ограничивалось значением «крепость». Позже в древнегреческом языке (и, пожалуй, только в нем) это слово приобрело новые смыслы, которые со временем, стали важнейшими – «город» и «государство». Данные смыслы тесно переплетались друг с другом, так что их зачастую просто нельзя разделить: они сливаются в один.

Соответственно, в западной исторической науке античный полис чаще всего определяют как «город-государство», государство, включающее в себя город и его сельскую округу (*хору*). Это определение не раз подвергалось критике. Всё же оно, несмотря на присущие ему недостатки, может считаться в принципе приемлемым, но с существенной оговоркой. И понятие «город», и понятие «государство» в связи с полисом должны пониматься в специфически античном смысле, а он значительно отличался от того смысла, который мы ныне вкладываем в эти слова.

Говоря конкретнее, слово «полис» по-древнегречески действительно означает «город». Но город не в смысле зданий, улиц и площадей, оборонительных сооружений и т. п., а в смысле совокупности своих свободных и полноправных жителей – граждан. Иными словами, полис – это городская гражданская община. С другой стороны, слово «полис» (а также родственный ему термин *полития*) означает также и государство. Но опять же – не столько в смысле некой территории, находящейся в управлении определенной суверенной власти, а в том же смысле гражданской общины, гражданского коллектива, осуществляющего своими силами власть над принадлежащей ему территорией.

Полис, покинутый своими гражданами, в древнегреческом восприятии никак уже не мог считаться полисом: он не был больше ни городом, ни государством. А в то же время, войско на походе могло в некоторых ситуациях оформляться в качестве полиса – постольку, поскольку оно являлось коллективом граждан. Хотя понятно, что оно не располагало в данный момент какой-либо территорией, не говоря уже о городских постройках.

Приведем несколько примеров таких «полисов без территории». В 411 г. до н. э. в Афинах произошел переворот: было свергнуто демократическое правление, установлен олигархический режим. В тот момент шла война со Спартой, и афинский флот находился далеко от родины – на военной базе на острове Самос. Моряки зарекомендовали себя

убежденными сторонниками демократии. Они не признали олигархию, утвердившуюся на родине, отказались ей подчиняться и избрали свои собственные, независимые органы власти. Флот практически превратился в «полис на кораблях» и представлял собой отдельную политическую единицу вплоть до того момента, когда олигархи в Афинах были свергнуты и народовластие восстановлено.

Еще один пример такого же рода относится к 400 г. до н. э. Большой отряд греческих воинов-наемников (около 10 тысяч человек) двигался в центральные области Персидской державы. Вел греков (а вместе с ними – гораздо большее по размеру «варварское» войско) знатный перс – Кир Младший, брат царя Артаксеркса II: с их помощью он хотел прогнать Артаксеркса с престола и овладеть властью в огромной империи. Но неподалеку от Вавилона в одном из сражений с правительственными войсками Кир погиб, и эллинам пришлось с огромными трудностями возвращаться на родину, много месяцев пробивая себе путь через вражеское окружение. Во время этого похода «отряд десяти тысяч» был самым настоящим «движущимся полисом», избравшим себе органы управления и живущим по собственным законам.

Конечно, такие ситуации случались не часто, но в принципе они были возможны. Великий греческий историк Фукидид справедливо писал: «Полис – это люди, а не стены и не порожние корабли»¹².

¹² *Thuc.* VII. 77. 7.

Поэтому наиболее взвешенным будет, пожалуй, следующее определение: полис – это городская гражданская община, конституирующая себя в качестве государства. В этом определении делается особенный акцент именно на роли гражданского коллектива, которая действительно была основополагающей для полисного типа государственности.

Не случайно в правовой теории и практике греческого мира полис – это именно граждане. Так, в межгосударственных отношениях не существовало правовых субъектов «Афины», «Спарта» или «Коринф»; таковыми были «афиняне», «спартанцы», «коринфяне». Это хорошо видно даже при беглом прочтении как античных исторических трудов, так и сохранившихся документов: воюют друг с другом, заключают мир, вступают в союз не Афины и Спарта, а только афиняне и спартанцы (или, скажем, милетяне и самосцы). Судя по всему, это и было официальным наименованием полисов.

Конечно, граждане были не единственными людьми, населявшими полис. На его территории жили и другие лица, не пользовавшиеся гражданскими правами: рабы, женщины, переселившиеся в данный полис чужеземцы (*метэки*). Они, разумеется, не могли не быть частью общества. Но в состав гражданской общины, в состав полиса как такового они парадоксальным образом не входили.

Поскольку категория *гражданина* имела ключевое значение для всего бытия полиса, на ней необходимо остановиться подробнее. Статус гражданина был, в сущности, новаторским: он впервые появился в широких масштабах и стал общераспространенным как раз в греческом полисном мире. Ранее, в древневосточных цивилизациях, безусловно доминирующим был статус подданного. Подданный – человек, полностью подчиненный правителю и чиновникам, всецело зависящий от произвола начальства, не обладающий политической свободой; то, что он может или не может, должен или не должен делать, определяется волей вышестоящих лиц, их разрешениями, запрещениями, приказаниями. Гражданин, в отличие от подданного, наделен совокупностью неотъемлемых прав и обязанностей, тесно связанных друг с другом. Можно даже сказать, что каждое из прав гражданина является, если посмотреть на него под другим углом, одновременно и обязанностью.

Для того, чтобы входить в состав граждан, индивид должен был удовлетворять целому ряду необходимых требований. Прежде всего, гражданином мог быть только свободный человек; понятия «гражданин» и «раб» были несовместимыми друг с другом – во всяком случае, после того, как полисный тип устройства общества сформировался в своем окон-

чательном виде. Далее, чтобы стать гражданином греческого полиса, необходимо было родиться мужчиной. Полисная цивилизация всецело построена на решительном преобладании мужской части населения. Женщины не имели не только политических, но и остальных гражданских прав, даже имущественных.

К важнейшим требованиям относилось происхождение от предков-граждан – по меньшей мере по прямой мужской линии. С «приезжими», выходцами из других городов и их потомками любой (без исключения) полис делился гражданскими правами в высшей степени неохотно – разве что за особые заслуги и лишь в очень редких случаях. В некоторых полисах это требование еще ужесточалось. Так, в демократических Афинах с середины V в. до н. э. гражданином могло быть только лицо, происходящее от граждан не только по мужской, но и по женской линии.

Кстати, это не кто иной, как самый выдающийся деятель афинской демократии Перикл, провел в 451 г. до н. э. закон, согласно которому лишь тот человек мог входить в число граждан, у кого и отец и мать были афинянами. Перикл тогда и не подозревал, что через двадцать лет жертвой этого закона станет он сам. У него было два сына от первой жены, афинянки. Потом он женился на милетянке Аспасии и от нее тоже имел сына, но этот юноша не мог быть гражданином и наследовать отцу. А затем случилось так, что оба законных сына Перикла в одночасье умерли от чумы. Перед

Периклом встала опасность остаться вовсе без наследника; тогда пресекался бы его род. И пришлось лидеру государства обращаться в народное собрание с ходатайством принять в граждане своего «незаконнорожденного» отпрыска от Аспасии. Перикл буквально со слезами умолял афинян сделать ради него исключение из его же собственного закона. Демос, чтя заслуги своего вождя, пошел ему навстречу. А вот закон отменен так и не был.

Полноправный гражданин должен был обладать земельным наделом. Человек был собственником земли постольку, поскольку он являлся гражданином – и наоборот. Эти два статуса были, как правило, неотъемлемы друг от друга, обуславливали друг друга. Иными словами, индивид лично свободный, но не входивший в число граждан, не мог получить в собственность земельный надел. С другой стороны, гражданская община наделяла такими наделами всех своих членов (а при необходимости могла и отобрать участок). Таким образом, именно эта община, весь коллектив граждан полиса выступал как верховный собственник всей полисной земли.

Гражданский коллектив в принципе мог провести и принудительный передел всех частновладельческих земель – например, на началах полного равенства между гражданами. Впрочем, такая мера считалась революционной и осуществлялась крайне редко.

Гражданин был обязан участвовать в военных мероприятиях полиса, то есть служить в полисной армии. Собствен-

но, армии всех полисов (вплоть до того момента, когда в этом типе социально-политического устройства наметились кризисные явления) представляли собой не какие-то отдельные структуры, а именно ополчение граждан – земельных собственников, тождественное народному собранию. Поэтому-то войско в походе и могло при желании так легко превратиться в «полис без территории».

Всеобщая воинская повинность порождалась необходимостью защищать свободу и целостность полиса, его независимость и законы, собственность членов гражданской общины. Эта повинность, впрочем, была не только обязанностью, но и правом, ибо она тоже являлась одним из критериев статуса гражданина. Лица, не входившие в гражданский коллектив, привлекались в войско лишь в редчайших случаях самой крайней необходимости. Ведь участие в военных походах – это не только труд, лишения, опасность для жизни. Это – еще и возможность обогатиться за счет добычи, а, кроме того, отличившись на поле боя, заслужить почет от сограждан и повысить свой авторитет, влияние в государственных делах.

Граждане имели право (и это одновременно было их обязанностью, гражданским долгом) принимать участие в управлении государством. Именно гражданский коллектив в форме народного собрания осуществлял – реально или во всяком случае номинально – высшую власть. В любом полисе именно народное собрание считалось верховным ор-

ганом управления, выносящим окончательное решение по всем важнейшим вопросам.

Полисная государственность не предусматривала особых органов власти, оторванных от народа. Полисы являлись государствами без бюрократии. Должностные лица в них были не назначенными вышестоящим начальством (чиновниками, или бюрократами), а исключительно избранными (*магистратами*, как их называют в науке). Выборы проводились либо путем прямого голосования граждан, либо – что для нас совсем уже необычно – путем жеребьевки. Жребий считался самым объективным способом избрания, поскольку он исключал любые симпатии и пристрастия сограждан. Кроме того, в жребии видели проявление воли богов, а в богов верили все: религиозное мировоззрение было абсолютно преобладающим, атеистов практически не существовало.

Гражданин полиса мог с полным основанием сказать о себе то, что в XVIII в. заявил абсолютный монарх Людовик XIV: «Государство – это я». Но при этом гражданин полиса являлся представителем и воплощением государства не в одиночку, а лишь в совокупности с другими такими же, как он, гражданами. Таким образом, в греческом полисе, пожалуй, впервые в мировой истории сформировалось правильное и стабильное республиканское устройство, причем такое, при котором общество и государство не были отделены друг от друга. Многие особенности полисного типа государственности проистекали из того, что гражданская общи-

на как бы «растворила» внутри себя государственные структуры.

Полисный тип государственности очень оригинален и своеобразен. В частности, его весьма рельефной особенностью, бросающейся в глаза каждому, кто его сколько-нибудь углубленно изучает, является следующее обстоятельство: полис, как отмечалось выше, был «государством без бюрократии». Вот этот-то момент в наибольшей степени поражает, причем не столько историков, сколько многих представителей политических наук. Последним обычно приходится иметь дело с более традиционными государственными формами, вполне бюрократическими: ведь таковые на протяжении человеческой истории в целом, конечно, решительно преобладали.

В связи со сказанным ряд влиятельных специалистов (повторим, что речь идет в основном не об исторической, а о политологической литературе) высказывает сомнения, можно ли вообще считать полис государством, не является ли он какой-то иной формой общности людей. Нередко предлагается применять к полису определение «протогосударства».

Данный тезис, проведенный в категоричной форме, бесспорно, являет собой досадную крайность и не может вызвать одобрения у историков – хотя бы потому, что они прекрасно знают: государства в мировой истории могут принимать самые разнообразные формы, они совершенно не обязательно должны быть похожи на то, что привычно нам. Од-

нако даже и крайние точки зрения не возникают немотивированно. В данном случае объективным основанием для недоразумения послужило то обстоятельство, что полис действительно уникален. Он не просто не похож, а кардинально не похож на большинство иных государств, будь то древних или современных. Его специфика, возможно, и заслуживала бы какого-то специального места в категориальном аппарате.

Но при всём том отнесение полиса к разряду «прото-государств» решительно неприемлемо. На этой шкале полис оказался бы уравнен, скажем, с потестарными образованиями позднего родоплеменного строя, накануне перехода к «настоящей» государственности. Но на самом деле полис – нечто совсем, совсем иное. Кроме того, в самой приставке «прото-», хотим мы того или не хотим, присутствует некий пренебрежительный оттенок, предполагающий как бы в известном смысле что-то «недоделанное», несовершенное по сравнению с традиционными бюрократическими государствами. А в действительности ситуация прямо противоположна. В полисе нет ничего «недоделанного». Он напоминает произведение искусства, поражающее совершенством своего исполнения, является системой настолько продуманной и отточенной во всех деталях, что уже ничего «ни прибавить, ни убавить». Полис – некая великолепная целостность, социальный и духовный «космос» (слово «космос» мы здесь, разумеется, употребляем в античном смысле, который подробнее будет разъяснен в одной из следующих глав).

По нашему глубокому убеждению, это вообще самый совершенный тип общности людей, какой только существовал когда-либо в мировой истории. Он в наибольшей степени способствовал развитию как личности, так и коллектива, давал реальное, а не фиктивное равенство граждан, реальное, а не фиктивное широкое политическое участие. Все остальные формы государственности по сравнению с полисом выглядят уже некоторой деградацией, пусть даже и неизбежной. Ни в каких других типах государств не было такого раскрепощения творческого, состязательного духа, такого взлета и процветания культуры и т. д.

Здесь мы хотели бы высказать мысль, которая, несомненно, покажется парадоксальной: полис – не «протогосударство», а, если можно так выразиться, «постгосударство», более высокая и совершенная ступень человеческого общежития, нежели обычные государства. Подчеркнем, что данный тезис предлагается в сугубо гипотетической форме, как тезис заведомо спорный; если введение нового термина вызовет дискуссию, с чьей-то стороны – несогласие, то это будет только полезно для развития науки об античности.

Такой тип общности людей, «постгосударство», насколько можно судить, был редчайшим и нигде более за пределами полисного мира не встречающимся. Да и полисному миру античной Греции на этой высоте суждено было удержаться не очень долго – всего лишь несколько веков, а потом, в эпоху эллинизма, в основном произошел «откат» к обычному

для древности типу государственности, к бюрократическим монархиям, процесс эволюции «от гражданина к подданному», как его часто характеризуют в историографии. Может быть, дух «постгосударства» дольше, чем в эллинистическом мире, удержался в Риме: Римская империя, например, в годы правления династии Антонинов (II в. н. э.) производит очень благоприятное впечатление. В Риме, впрочем, тоже полисная по истокам система принципата в конце концов сменилась чуждой полису системой домината, но на римских реалиях мы, естественно, специально останавливаться здесь не будем.

Вернемся к полису греческому. Этот уникальный феномен мог сложиться только в уникальных исторических условиях. «Постгосударство» уже по определению должно формироваться после государства. Ниже нам предстоит увидеть, что в Греции имел место как раз такой случай: повторное рождение государственности на обломках микенских дворцовых царств – государств обычного, «бюрократического» типа. Для греков речь шла о второй попытке создания цивилизации, и этим уже многое сказано.

Иными словами, полис был вторичным образованием. Государственность же, формирующаяся не «с нуля», а на руинах предыдущей государственности, вольно или невольно учащаяся на ее ошибках и старающаяся этих ошибок не делать, вырастает в конечном счете во что-то новое, невиданное.

Итак, в системе полисного типа цивилизации понятия гражданства, участия в управлении, воинской обязанности и земельной собственности были неразрывно связаны. Все граждане пользовались политической свободой. При этом следует подчеркнуть: свободу греки понимали отнюдь не как вседозволенность. Свобода мыслилась только в рамках законности: она предполагала независимость человека от произвола какого-либо другого лица, его подчинение только законам и законным властям.

Перед законом граждане считались равными. В условиях коллективного управления государством закономерным было нарастание в ряде полисов эгалитарных, уравнивательных тенденций. Так, для поддержания равенства самые знатные и богатые граждане порой были обязаны в интересах общественной пользы нести наибольшие затраты (особенно часто это наблюдалось в демократических полисах). Справедливости ради следует сказать, что эти повышенные требования в эпоху расцвета полиса встречались представителями элиты с пониманием и даже с энтузиазмом.

В целом в полисе приобрело очень выраженную форму противопоставление граждан всем прочим категориям населения. Гражданский коллектив был в известной степени замкнутой кастой, держащей в своих руках всю власть в госу-

дарстве. Можно назвать полис корпорацией граждан, сплотившейся перед лицом всего остального мира – как окружавшего полис, так и «проникавшего» в него в лице жителей без гражданских прав. Отсюда – определенная военизированность полиса, постоянная готовность к мобилизации всех сил перед угрозой враждебной внешней среды. Идеальным воплощением полиса была изобретенная в нем *фаланга* – этот замкнутый и сомкнутый строй тяжеловооруженных пехотинцев (*гоплитов*), как бы «ощетинившийся» навстречу противнику и могучий своим коллективным порывом.

Атаку фаланги великолепно описывает, например, спартанский поэт VII в. до н. э. Тиртей, снова и снова возвращающийся к этой теме. Он призывает сограждан:

...Стойте под сводом щитов, ими прикрывши ряды,
Каждый в строю боевом...

Копья, угрозу мужам, крепко сжимая в руках.
И на бессмертных богов храбро во всем положившись,
Без промедленья словам будем послушны вождей.
Тотчас все вместе ударим...

Возле копейщиков свой близко поставивши строй.
Скоро с обеих сторон железный поднимется грохот:
Это по круглым щитам круглые грянут щиты.
Воины копья метнут, друг друга железом сражая,
В панцири, что у мужей сердце в груди берегут.
Вот уж колеблется враг, отступая с пробитым доспехом,
Каменный сыплется град, шлемы стремясь
поразить,

Медный разносится звон...¹³

Так как потомки вы все необорного в битвах Геракла,

Будьте бодры, еще Зевс не отвернулся от нас!

Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте
страха,

Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых
бойцов,

Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланниц
кончины —

Милыми, как нам милы солнца златые лучи!

Опытны все вы в делах многослезного бога Ареса,

Ведомы вам хорошо ужасы тяжелой войны,

Юноши, вы и бегущих видали мужей и гонящих;

Зрелищем тем и другим вдоволь насытились вы!

Воины те, что дерзают, смыкаясь плотно рядами,

В бой рукопашный вступить между передних
бойцов,

В меньшем числе погибают, а сзади стоящих спасают;

Труса презренного честь гибнет мгновенно навек...

Пусть же, широко шагнув и ногами в землю упершись,

Каждый на месте стоит, крепко губу закусив,

Бедра и голени снизу и грудь свою вместе с плечами

Выпуклым кругом щита, крепкого медью, прикрыв;

Правой рукою пусть он потрясает могучую пику,

Грозный шелома султан над головой всколебав...

Пусть он идет в рукопашную схватку и длинную пикой

Или тяжелым мечом насмерть врага поразит!

¹³ Tyrt. fr. 19 West.

Ногу приставив к ноге и щит свой о щит опирая,
Грозный султан – о султан, шлем – о товарища
шлем,
Плотно сомкнувшись грудь с грудью, пусть каждый
дерется с врагами,
Стиснув рукою копьё или меча рукоять!¹⁴

Будем за эту страну с отвагою биться и сгинем
За малолетних детей, жизни своей не щадя!
Юноши, не отходя ни на шаг друг от друга, сражайтесь,
И да не ляжет на вас в бегстве позорном почин, —
Нет, себе в грудь вы вложите великое, мощное сердце,
В битву вступая с врагом, жизнь не шадите свою
И не бегите из боя, старейших годами покинув,
Старцев, чьи ноги уже легкости чужды былой!..
Жив если юноша, дорог мужам он и сладостен женам,
Сгинет он в первых рядах – смерть красоты не
возьмет!
Пусть же, шагнув широко, обопрется о землю ногами
Каждый и крепко стоит, губы свои закусив!¹⁵

Не случайно одним из самых основополагающих элементов всего бытия полиса являлась политическая независимость, обозначавшаяся термином *автономия* (в переводе с древнегреческого – «жизнь по собственным законам»). Конечно, случалось, что эта автономия нарушалась, полис на

¹⁴ Tyrt. fr. 11 West.

¹⁵ Tyrt. fr. 10 West.

время подпадал под чью-либо чужую власть. Но свободолобие греков, как правило, не позволяло им терпеть такую ситуацию. Они продолжали бороться за возвращение своему государству независимости и чаще всего рано или поздно добивались своего.

Естественно, что ввиду всего вышесказанного греческие полисы могли быть лишь очень небольшими по территории и особенно по населению. В этом отношении их можно условно сопоставить разве что с карликовыми государствами современной Европы, типа Лихтенштейна, Монако, в крайнем случае Люксембурга. Да и то далеко не все полисы, а лишь самые крупные из них, нетипичные, такие, как Спарта или Афины.

Так, Спарта – крупнейший по территории полис греческого мира – имела в период своего наибольшего расширения площадь 8400 кв. км., куда входили область изначального обитания спартанцев – Лаконика – и завоеванная ими позже Мессения. Население этого полиса составляло около 200–300 тысяч человек, из них полноправных граждан – не более 9 тысяч. Афинский полис, если рассмотреть его в высшей точке процветания, в середине V в. до н. э., охватывал собой Аттику – область площадью 2500 кв. км. Население было побольше, чем в Спарте: по разным подсчетам от 250 до 350 тысяч человек, из них полноправных граждан – в пределах 45 тысяч.

Если же не брать в расчет эти «полисы-гиганты» грече-

ского мира, у типичных полисов территория, по большей части, не превышала 100–200 кв. км., а общее население – 5 тысяч человек, из которых граждан было не более тысячи. Иными словами, типичный полис был крошечным государством, состоявшим из города (скорее городка) и его ближайших окрестностей. Такой полис можно было полностью обойти из конца в конец за несколько часов или, поднявшись на какой-нибудь холм, увидеть всё государство целиком. А все граждане должны были знать друг друга в лицо. В Афинах, разумеется, было не так, и на их улицах можно было встретить сколько угодно незнакомых людей. Но Афины, повторим, были редкостным исключением, каким-то «греческим Нью-Йорком», и у попавшего в них жителя каких-нибудь Платей или Флиунта наверняка сразу же начинала идти кругом голова.

Следует сказать, что ученые, как правило, только с огромным трудом, да и то лишь очень приблизительно, могут определять количество населения в том или ином полисе. Если переписи жителей и проводились, их данные практически не сохранились. Археологические раскопки позволяют определить число домов в полисе и через это примерно подсчитать, сколько в них могло обитать людей. Но раскопки помогают лишь отчасти: редко удается раскопать античный город целиком и в «чистом» виде, ведь на его месте, как правило, и в последующие эпохи продолжалась жизнь, оставляя свои следы.

Одно из счастливых исключений – Смирна в Ионии, которая в архаическую эпоху была одним из значительных полисов эгейского побережья Малой Азии. В начале VI в. до н. э. Смирну разрушили лидийцы, и в течение нескольких веков она просто не существовала. В начале эпохи эллинизма город был восстановлен, но не на том же самом месте, а несколько поодаль. В результате остатки архаической (так называемой «Старой») Смирны, не уничтоженные позднейшей застройкой, хорошо поддаются археологическому изучению. Подсчитано, что на городской территории размещалось всего лишь около 500 жилищ, что предполагает население около 2 тысяч человек. Соответственно, граждан в Старой Смирне как раз и должно было быть около 500.

«Миниатюрность» полиса была обусловлена рядом причин экономического, политического и культурного характера. Играла важную роль так называемая *стенохория* – земельный голод, недостаток пригодных для возделывания земель. В большинстве греческих областей полисы находились буквально вплотную друг к другу, и расширяться им было просто некуда: ни один из них не мог расти больше, чем позволяли соседи.

Малые размеры гражданского коллектива порождались необходимостью сохранять и поддерживать этот коллектив как реальное единство. В чрезмерно разросшемся полисе, народное собрание переставало быть подлинным воплощением общины граждан. Так, в огромных по греческим мер-

кам Афинах из 45 тысяч граждан регулярно посещали народное собрание около 6 тысяч. А это, конечно, уже непорядок, искажение принципа полисного народоправства. Хотя искажение не такое уж и сильное. Дело в том, что, когда в народном собрании решался действительно жизненно важный вопрос, на его заседание приходило гораздо больше людей – даже те, кто в менее серьезных случаях проявляли аполитичность.

Кроме того, мировоззрению античных эллинов была в высшей степени свойственна пластическая, «скульптурная» идея меры и формы. Ко всему безмерному, беспредельному грек испытывал инстинктивное отвращение, отождествляя его с неоформленным, хаотичным. «Ничего слишком», «Лучшее – мера», – такие афоризмы часто раздавались из уст мудрецов архаической эпохи. Именно чувство меры породило едва ли не все крупнейшие достижения древнегреческой культуры: и доведенные до совершенства очертания статуй, и отточенную ритмику поэтических произведений, и «самодостаточные» космогонические системы философов... А на политическом уровне то же чувство меры жило в концепции полиса.

Полис был, помимо всего прочего, еще и произведением искусства. Грек любовался им, как художественным изделием своего ума и рук. Огромные древневосточные державы, непрерывно расплзавшиеся вширь и не знавшие предела, должны были представляться ему чем-то чуждым и даже чу-

довищным.

Вот что пишет по этому поводу самый универсальный древнегреческий мыслитель – Аристотель, которому, пожалуй, удалось в своих многочисленных трудах с наибольшей полнотой выразить дух античного мировоззрения: «Опыт подсказывает, однако, как трудно, чтобы не сказать невозможно, слишком многонаселенному государству управляться хорошими законами; по крайней мере мы видим, что все те государства, чье устройство слывет прекрасным, не допускают излишнего увеличения своего народонаселения... Для величины государства, как и всего прочего – животных, растений, орудий, существует определенная мера... Так, например, судно в одну пядь не будет вообще судном, равно как и судно в два стадия (стадий – около 180 метров – *И. С.*)»¹⁶.

Греческий полис как бы сам обозначал себе пределы, ставил в какой-то момент точку в собственном расширении. Для каждого конкретного полиса эти пределы роста, разумеется, были неодинаковыми. Для Афин они совпали с пределами области Аттики. Спарта пошла дальше: для нее точкой в расширении полисной хоры стало покорение, вдобавок к Лаконике, еще и Мессении. Да, собственно, Спарта, насколько можно судить, уже переросла необходимые пределы, превзошла заданную ей меру, и отсюда – все трудности, которые это государство в дальнейшем испытывало, и все перипетии его странной судьбы.

¹⁶ *Arist. Pol. VII. 1326a.*

Но для подавляющего большинства полисов этот предел расширения должен был наступать едва ли не сразу же после их возникновения. Приходилось переходить с экстенсивного пути развития на интенсивный, то есть выживать не за счет присоединения новых территорий, а за счет оптимального использования имеющихся ресурсов – как материальных, так и духовных, человеческих. А это в цивилизационном плане, конечно же, было благом.

* * *

Город был центром полиса, его столицей, в нем порой проживало более половины всего полисного населения. Впрочем, такое случалось не всегда. Например, в Афинах – одном из крупнейших полисов – ситуация была иной. Вот как рассказывает Фукидид об эвакуации всех жителей афинского полиса из сельской местности в город в начале Пелопоннесской войны со Спартой, – чтобы враг, вторгнувшись на территорию государства, не нанес ущерб людской силе.

«Тяжко было афинянам покидать насиженные места, так как большинство их привыкло жить на своих полях. Такой образ жизни, более характерный для них, чем для других эллинов, афиняне вели с давних пор... Афиняне долго жили на своей земле самостоятельными общинами. И даже после политического объединения большинство населения Аттики (как в древности, так и в последующее время, вплоть до

этой войны) по старинному обычаю все-таки жило со всеми семьями в деревнях. Поэтому-то теперь афинянам было нелегко переселиться в город и бросать свое добро... С грустью покидали они домашние очаги и святыни, которые всегда привыкли почитать еще со времен древних порядков как наследие предков. И для всех них – деревенских жителей – предстоящая перемена в образе жизни была равносильна расставанию с родным городом»¹⁷.

Однако характерно, что противопоставления города и деревни в греческой античности еще не возникло. В обществах многих других эпох город и деревня воспринимаются как антагонистические, противоположные друг другу начала. Город выступает как средоточие деятельности торгово-ремесленной части населения, где вырабатывается специфический городской образ жизни, а крестьянство обитает исключительно в сельской местности. Такая ситуация сложилась в эпоху средневековья и существует, в общем, по сей день. В античной Греции было иначе: противопоставления города и деревни не наблюдалось, они воспринимались не как противопоставленные элементы, а как необходимые части единого целого. Применительно к полисному миру древней Эллады приходится говорить о самых настоящих аграрных городах.

В подавляющем большинстве этих городов весьма значительную, часто преобладающую часть жителей составляли не

¹⁷ *Thuc.* II. 14–16.

ремесленники и не торговцы (хотя они, вне всякого сомнения, наличествовали почти в любом полисе), а те же крестьяне. Они имели земельные участки на хоре и ежедневно отправлялись туда на работу из своих городских домов. Это тесно связано с тем, что одним из основных критериев статуса гражданина полиса был земельный надел. Таким образом, каждый член гражданского коллектива, каково бы ни было его основное занятие (он мог быть, например, владельцем ремесленной мастерской, крупным оптовым торговцем, профессиональным политиком), одновременно являлся землевладельцем. А для большинства граждан участок земли был, несомненно, главным средством существования.

Противопоставление горожан и крестьян уже поэтому не могло возникать. Точнее, такое противопоставление возникало, но имело не социально-экономический, а культурный характер: слово *астейос*, «горожанин», означало воспитанного человека «с манерами», а *агройкос*, «селянин» – неотесанного «мужика». Кстати, тип населенного пункта, который мы ни в коем случае не признали бы городом, в греческом мире вполне мог считаться таковым. Собственно, само слово «город» в русском языке представляется каким-то слишком недифференцированным, если пытаться использовать его в качестве термина. Под это понятие подпадет и многомиллионный мегаполис, и крохотный заштатный городишко. Несколько лучше в этом отношении обстоит дело в английском, где существуют два слова – *city* (для крупных го-

родов) и town (для небольших). Во всяком случае, практически в каждом полисе наличествовал если не город, то хотя бы городок, выполнявший роль его центра, и тесно связанная с этим центром сельская округа, хора. Эти два элемента были теснейшим образом взаимосвязаны, не мыслились друг без друга.

В свете вышесказанного не удивительно, что основу экономики в древнегреческом мире составляло именно сельское хозяйство, прежде всего земледелие. Вся экономическая жизнь полиса зиждилась на принципе так называемой *автаркии* – самообеспеченности, самодостаточности, стремлении опираться только на собственные силы и ресурсы, не зависеть ни от кого в экономической области так же, как и в политической.

Автаркии старался добиться не только каждый полис, но и внутри полиса – каждый *ойкос*. Ойкос (слово означает «дом») – крестьянское домохозяйство, минимальная ячейка древнегреческой экономики. Земли ойкоса обрабатывались самим крестьянином, его семьей и принадлежащими ему рабами, если таковые были.

Не случайно крестьянин – одна из основных фигур в древнегреческой литературе, причем на самых разных этапах ее развития. Вот один из первых античных поэтов – Гесиод (рубеж VIII–VII вв. до н. э.), кстати, сам крестьянин из Беотии. Его главное произведение, «Труды и дни», часто даже называют «земледельческой поэмой». Ведь это, по сути, стихо-

творный свод советов крестьянам, включающий в себя широкий спектр тем – от конкретных рекомендаций по сельскохозяйственным работам до своеобразного «морального кодекса» главы ойкоса.

...Голод, тебе говорю я, всегдашний товарищ ленивца.
Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно
Жизнь проживает, подобно безжальному трутню,
который,
Сам не трудясь, работой питается пчел хлопотливых.
Так полюби же дела свои вовремя делать и с рвеньем —
Будут ломиться тогда у тебя от запасов амбары.
Труд человеку стада добывает и всякий достаток,
Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее
Вечным богам, как и людям: бездельники всякому
мерзки.

Нет никакого позора в работе: позорно безделье...

Друга зови на пирушку, врага обходи приглашеньем.
Тех, кто с тобою живет по соседству, зови непременно:
Если несчастье случится, – когда еще пояс подвяжет
Свойственник твой! А сосед и без пояса явится тотчас.
Истая язва – сосед нехороший; хороший – находка...
Только дающим давай; ничего не давай недающим.
Всякий дающему даст, недающему всякий откажет...
Другу всегда обеспечена будь договорная плата.
С братом и с тем, как бы в шутку, дела при свидетелях
делай.

Как подозрительность, так и доверчивость гибель
приносит...

Единородным да будет твой сын. Тогда сохранится
В целости отческий дом и умножится всяким богатством.
Пусть он умрет стариком – и опять одного лишь
оставит¹⁸.

В этих строках, как на ладони, видна психология эллинского крестьянина – трудолюбивого, расчетливого, бережливого, чтобы не сказать скуповатого. Впрочем, скупость зависела, конечно, от скудных материальных условий жизни.

А вот – еще один крестьянин, но уже из классической эпохи. Это Дикеополь, герой комедии Аристофана «Ахарняне», поставленной в 425 г. до н. э. Он пришел из своей деревни в Афины на народное собрание и, дожидаясь начала, откровенно высказывает свое неприятие городской жизни:

Мне город мерзок. О село желанное!
Там не кричит никто: «Купите уксусу!»,
«Вот угли! Масло!» Это там не водится:
Там всё свое, и нет там покупателей¹⁹.

Писатель Ксенофонт в IV в. до н. э. нарисовал образ идеального крестьянина Исхомаха. Это человек богатый, он – один из именитых граждан. Ойкос Исхомаха обширен, есть в нем и рабы, и управляющий. Самому хозяину нет нужды заниматься физическим трудом; если он иногда это и дела-

¹⁸ *Hes. Opp.* 302 sqq., 342 sqq., 356 sq., 370 sqq., 376 sqq.

¹⁹ *Aristoph. Ach.* 33 sqq.

ет, то скорее «для моциона», чем из реальной необходимости. В основном же он руководит работами. Живет сам Исхомах в городе, но свой надел посещает ежедневно. «Слуга мой отводит лошадь вперед меня в деревню, а мне прогулкой служит дорога в деревню, – это, пожалуй, полезнее, Сократ, чем гулять в галерее. По приходе в деревню, сажают ли там у меня деревья, или поднимают пар, или сеют, или подвозят хлеб, я смотрю, как идут работы, и приказываю работать по-иному, если знаю какой лучший способ», – так он рассказывает о себе²⁰.

Таким образом, греческие крестьяне могли быть весьма различными: от таких, как Исхомах, до таких, как Гесиод, трудящийся «в поте лица своего» (а на досуге, кстати, успевающий еще и сочинять поэмы).

На практике, безусловно, принцип автаркии часто нарушался и не мог не нарушаться. Ведь практически ни один из полисов не располагал абсолютно всеми необходимыми для нормальной жизни ресурсами, особенно если учитывать миниатюрные размеры этих государств, а также скудость природных условий Эллады.

Например, на территории афинского полиса были сереб-

²⁰ Xen. Oec. 11. 15–16.

ряные рудники, но не встречалось месторождений меди. На соседней Эвбее – напротив: имелась медь, но отсутствовало серебро. Беотия отличалась плодородными по греческим меркам землями, притом в большом количестве, – но в ней не хватало удобных гаваней для развития мореплавания. В Коринфе – всё наоборот: земля была в катастрофическом дефиците, зато для морской торговли город располагался более чем удобно.

А вот «портрет» одного из малых полисов, зарисованный писателем-путешественником Павсанием: «Стадиях в 20 от Херонеи находится фокидский город Панопей, если его вообще можно назвать городом, так как нет в нем ни правительственных зданий, ни гимнасия (*гимнасий* – помещение для спортивных состязаний – И. С.), ни театра, ни площади, нет водоема, куда бы собиралась вода, но жители обитают здесь вдоль горного потока в полуземлянках, более всего похожих на горные лачуги. Однако у них есть границы их области с соседями, и на всефокейское собрание они тоже посылают своих представителей (синедров)»²¹.

Таким образом, политическая независимость налицо, а вот в экономическом отношении подобному полису наверняка недоставало очень и очень многого. Пожалуй, ближе всего подошла к идеалу автаркии Спарта. Она из-за необычно крупных размеров своей хоры была богатым природными ресурсами государством. Тут и неплохо подходившие для

²¹ Paus. X. 4. 1.

пахоты почвы, и полезные ископаемые, и гавани... Как бы то ни было, Спарту можно назвать скорее исключением, чем типичным для Эллады случаем.

Волей-неволей приходилось вступать в экономические отношения с другими городами и странами, организовывать торговлю. Греческая торговля была предметом исключительно частной инициативы. Государственных торговых агентов, как на Древнем Востоке, не было. Однако многие полисы проводили определенную торговую политику, стремясь максимально обеспечить граждан всем необходимым. В частности, в демократических Афинах регулировались рыночные цены на хлеб, и за превышение установленных цен торговцы могли нести суровое наказание, вплоть до смертной казни.

Сохранилась, например, речь, произнесенная обвинителем в суде против группы хлебных торговцев, уличенных в том, что они путем сговора держали чрезмерно высокие цены на свой товар – более высокие, чем разрешал закон. Этих спекулянтов вначале хотели вообще казнить без всяких формальностей, но потом всё-таки было решено провести правильный судебный процесс, предоставить обвиняемым слово в свою защиту и т. д. Речь была произнесена в 380-х гг. до н. э., ее автор – знаменитый оратор Лисий. Приведем несколько строк из нее:

«Их (хлебных торговцев – *И. С.*) интересы противоположны интересам других: они всего больше наживаются тогда,

когда, при известии о каком-нибудь государственном бедствии, продают хлеб по дорогим ценам. Ваши несчастья так приятно им видеть, что иногда о них они узнают раньше всех, а иногда и сами их сочиняют... Вражда их дошла до того, что они в удобный момент нападают на вас, как неприятели. Когда вы всего более нуждаетесь в хлебе, они вырывают его у вас изо рта и не хотят продавать, чтобы мы не разговаривали о цене, а были бы рады купить у них хлеба по какой ни на есть цене. Таким образом, иногда во время мира они держат нас в осадном положении... Примите во внимание, что вам невозможно их оправдать... Кроме того, господа судьи, я думаю, всем ясно, что подобного рода процессы наиболее затрагивают интересы всех в городе. Поэтому все будут спрашивать о вашем приговоре по этому делу, имея в виду, что если вы присудите их к смертной казни, то остальные будут больше обращать внимания на закон; а если вы их отпустите без наказания, то своим решением предоставите им полную свободу делать, что им угодно... Так, если вы им вынесете обвинительный приговор, то удовлетворите справедливость и хлеб будете покупать дешевле; в противном случае – дороже»²²

²² *Lys.* XXII. 14–15, 17, 19, 22.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.